

Хотя Чэнь Цуйхуа недолюбливала старуху Сунь, а к Дачжуану и к Цю-гэ она относилась хорошо — люди они были неплохие. Потому и решила зайти: вдруг сможет чем-то помочь.

Когда они втроём пришли, старуха Сунь, зажимая живот, каталась по постели, причитая:

«Ой-ой-ой... больно-то как... совсем меня скрутило...»

Старуха Сунь была женщиной злобной, язвительной и любила перемывать соседям кости, так что теперь, когда она слегла, никто из окрестных и не спешил прийти на помощь. Лишь одна соседская тётушка, да и то потому, что мальчик Цю-гэ недавно дал её внуку два хурмовых плода, согласилась сбегать и позвать его домой.

У дома Сунь собралась кучка зевак — соседей, пришедших поглазеть, — но помочь никто не решался. Один только Цю-гэ стоял у постели, метался из стороны в сторону, не находя себе места:

«Мама, что с тобой? Что случилось?»

«Живот болит... живот болит... ой, до смерти больно...»

Чэнь Цуйхуа оглядела её и сказала:

«Дачжуана сейчас нет. Может, мой Ху-цзы отведёт тебя в соседнюю деревню к лекарю? Не съела ли ты чего-нибудь не того?»

Услышав про лекаря, старуха Сунь сразу всполошилась — медяки ей было жалко. Она громко заголосила:

«Не пойду! Не пойду! Дайте мне лучше горячей воды выпить — и всё пройдёт! Ой-ой-ой...»

Цю-гэ поспешно налил ей горячей воды. Но даже выпив её, старуха продолжала жаловаться на боль в животе и всё так же упорно отказывалась идти в соседнюю деревню к лекарю.

Мальчик совсем растерялся. Что тут поделаешь?

Он хотел попросить кого-нибудь сбегать и позвать Дачжуана, но дождь только что закончился, дороги раскисли, кругом грязь — кому охота идти искать человека?

Чэнь Цуйхуа попыталась уговорить её:

«Бабушка Сунь, раз так болит, сходи всё-таки к лекарю».

«Не пойду! Не пойду!»

Сун Нин взглянул на неё и спросил:

«А не хурмы ли она переела?»

«Я... я не знаю...» - ответил Цю-гэ.

Хоть он и не слишком любил свою старуху-мать, всё-таки она была родной, и в сердце он переживал за неё. «Мам, вы сегодня хурму ели? Я знаю, что вчера после обеда вы съела пять или шесть штук...»

Потому что вчера он сорвал несколько плодов — собирался отнести их Сун Нин. Но его старая мать была недовольна и заявила, что все съест сама. Так и простояла под деревом, один за другим проглотив пять или шесть штук.

«А сегодня утром... утром ещё пять или шесть съела».

Сун Нин сразу понял, в чём дело:

«Хурмы переела. Её нельзя есть сразу столько — от этого живот и скручивает».

«И что же теперь делать?» - в тревоге спросил Цю-гэ.

«Возьмите сушёную мандариновую кожуру и юаньху, обжарьте их в уксусе, разотрите в порошок и дайте выпить. Можно попробовать».

Чэнь Цуйхуа тут же потянула Сун Нина за рукав:

«Нин-гэ, нельзя так вот наобум советовать. У неё и так живот болит, как бы ещё хуже не стало».

Цю-гэ совсем растерялся, но другого выхода не видел:

«Тётушка Цуйхуа, это же не какие-то сильные лекарства. Даже если выпьет — вреда не будет. Мандариновая кожура у нас дома есть, вот только юаньху нет...»

Старуха Сунь продолжала стонать от боли, а тратить на лекаря всё равно не хотела. Оставалось лишь попробовать этот способ.

«Тётушка Цуйхуа, присмотри за моей матерью» - сказал Цю-гэ и уже собрался выходить. «Я пойду куплю юаньху».

«Пусть лучше Ху-цзы сходит» - сказала Чэнь Цуйхуа. «Дорога сейчас плохая, а у него шаг быстрый».

Цю-гэ поспешно вытащил пригоршню медяков и сунул их Вэй Ху.

Старуха Сунь тут же завопила:

«Да юаньху дешёвый! К чему столько медяков тратить?!»

Чэнь Цуйхуа закатила глаза:

«Бабушка Сунь, да если бы ты к лекарю пошла, один только приём обошёлся бы в десять медяков. А тут тебе вдруг жалко стало? Значит, и болит не так уж сильно».

Вэй Ху взял деньги и быстро ушёл за юаньху. Старуха Сунь выпила ещё пару глотков горячей воды — но это не помогло: боль только усилилась, она выла во весь голос, так что соседи один за другим стали выглядывать.

«Попробуй помассировать» - сказал Сун Нин. «Может, станет полегче».

Цю-гэ поспешно расстегнул одежду матери и начал массировать ей живот. Старуха Сунь и вправду стала стонать тише, хотя всё ещё без конца жалобно тянула, едва переводя дыхание:

«Ой... ой... ой...»

Люди у ворот переговаривались между собой:

«Что это с Сунь случилось?»

Соседская тётушка ответила:

«Нин-гэ говорит, хурмы объелась».

«Разве от хурмы может живот болеть?» - усомнились в толпе. «Нин-гэ ещё молод, как бы не наговорил лишнего».

«Кто его знает» - пожала плечами соседка. «Я тоже такого не слыхала».

В деревне люди жили бедно: всё, что хоть немного сладкое, считалось настоящим лакомством. Если у кого во дворе росло плодовое дерево, плоды либо несли на базар в посёлок, чтобы заработать денег, либо раздавали соседям. Никто не позволял себе съесть сразу много — обычно брали один-два плода и растягивали удовольствие. Вот и не бывало такого, чтобы кто-то объелся хурмы до боли в животе.

Цю-гэ изначально и сам собирался раздать хурму из дома, но он и представить не мог, что его старая мать съест столько за раз. Он и понятия не имел, что от хурмы, если переест, может разболеться живот.

У ворот судачили кто во что горазд: одни говорили, что старухе Сунь так и надо — Цю-гэ дал соседским детям по несколько плодов, а она их потом ещё и бранила; другие сомневались, не выдумывает ли Сун Нин, не лезет ли попусту со своими знаниями. Словом, разговоров было всяких.

Только сейчас Сун Нин понял, что Цю-гэ было совсем нелегко угостить его той хурмой: мать, должно быть, немало его за это попрекала. От этой мысли Сун Нин проникся к нему ещё большей симпатией.

Чэнь Цуйхуа, услышав, как у ворот судачат и говорят, будто её Нин-гэ лезет не в своё дело, вышла наружу и громко заткнула сплетников:

«Мой Нин-гэ людей спасает! Да чего стоят эти мандариновые корки да юаньху? Гроши! И лекарство мягкое — даже здоровому вреда не принесёт. А будете дальше языками трепать, я, Чэнь Цуйхуа, вам этого с рук не спущу!»

По характеру Чэнь Цуйхуа была женщина резкая и горячая. Рано овдовев, она одна поднимала сына Вэй Ху, который уже подросток, и без жёсткости тут не выжить. За эти годы ей не раз приходилось терпеть насмешки и притеснения от людей с дурным сердцем.

Муж умер рано, а когда Вэй Ху дорос до возраста, когда подыскивают невесту, на него ещё и повесили клеймо "несущего беду жёнам". Семья Вэй нажила в деревне дурную славу, и злые языки не умолкали. Но Чэнь Цуйхуа была не из тех, кого легко зацепить: стоило ей услышать сплетни — она тут же плевком отвечала прямо в лицо.

Деревенские это знали, потому, получив пару жёстких слов, быстро поутихли.

В это время откуда-то вернулся Сунь Дачжуан. Увидев его, Цю-гэ не сдержался и ткнул

кулаком:

«Куда ты запропастился?! У матери живот так болит, что хоть умирай, я тебя нигде найти не мог. Я чуть с ума не сошёл!»

Сунь Дачжуан поспешно стал оправдываться:

«У деда Лю в деревне крыша протекла, он меня позвал — солому подстелить».

Сунь Дачжуан получил от своего мужа пару ударов, но и не подумал сердиться — лишь поспешно спросил, что с матерью. Старуха Сунь всё ещё лежала на постели и стонала, но после того как Цю-гэ помассировал ей живот, боль вроде бы немного поутихла.

Не раздумывая, Сунь Дачжуан собрался взвалить мать на спину и нести к лекарю. Но старуха, жалея медяки, ни в какую не соглашалась — снова началась возня и крики, целая суматоха.

Чэнь Цуйхуа потянула Нин-гэ в сторону:

«Подальше держись, не дай бог заденут мою невестку».

Цю-гэ дёрнул Сунь Дачжуана за рукав:

«Хватит уже. Сейчас ей вроде полегче. Ху-гэ за травами пошёл, скоро вернётся. Когда был нужен — тебя и след простыл, а теперь пришёл только шум поднимаешь».

Едва он договорил, как Вэй Ху уже появился на пороге. Дождь только что прошёл, и за дорогу туда и обратно подошвы его обуви облепило толстым слоем грязи, да и штанины были забрызганы.

«Юаньху купил» - сказал он.

Цю-гэ тут же взял у него свёрток:

«Спасибо тебе, Ху-гэ».

Дома нашлась и сушёная мандариновая кожура. Цю-гэ достал её и на маленькой железной сковородке стал готовить лекарство для матери.

Старуха Сунь лежала на постели, едва живая, без конца постанывая:

«Ой... да как же больно...»

Чэнь Цуйхуа заглянула в комнату:

«Потерпи, сейчас лекарство будет готово».

«Ху-цзы, Ху-цзы, - вдруг вспомнила старуха, - сколько медяков ушло?»

«Пять медяков».

Вэй Ху купил юаньху совсем немного — всего на две порции. Он знал, какая старуха Сунь скупая, потому и не стал брать больше.

Чэнь Цуйхуа молча закатила глаза:

«До такой боли дошло, а всё ещё считает, сколько медяков потратили».

Потом, с тревогой, добавила:

«А это лекарство точно подействует?»

Вэй Ху кивнул:

«Я у лекаря спросил. Он сказал, что хурму и правда нельзя есть помногу: в лёгких случаях живот режет, будто ножом, а в тяжёлых можно и до каменной болезни дойти».

Услышав про каменную болезнь, старуха Сунь побледнела и, уткнувшись в постель, снова заголосила:

«Я не хочу умирать... я не хочу умирать...»

Чэнь Цуйхуа поспешно уточнила:

«А рецепт, что Нин-гэ сказал, ты у лекаря проверил?»

«Проверил. Лекарь сказал — подойдёт».

После этих слов Чэнь Цуйхуа успокоилась. Хотя у этих двух трав и не было сильного действия, она всё равно боялась навредить старухе — а там ещё, не дай бог, начнут судачить про Нин-гэ.

Тем временем Цю-гэ уже приготовил лекарство, растёр его в порошок и, как советовал Нин-гэ, развёл горячей водой:

«Мам, давай, пей скорее. Выпьешь — и боль пройдёт».

От миски тянуло кисло-горьким запахом. Чэнь Цуйхуа помахала ладонью перед носом:

«Фу, и впрямь воняет».

Цю-гэ поднёс лекарство матери. Та сделала глоток — и тут же сплюнула:

«Что это за гадость такая?! Вы меня этой кислотой до смерти довести хотите?!»

Чэнь Цуйхуа фыркнула:

«Ты в таком возрасте, а всё капризничаешь, как трёхлетний ребёнок? Хватит людей мучить — выпей и дело с концом».

Старуха Сунь и без того частенько перемывала косточки семье Чэнь, так что, поймав удобный момент, Чэнь Цуйхуа не собиралась её щадить и в словах не стеснялась.

Сун Нин, слушая всё это, едва сдерживал улыбку: его мать была человеком прямым — говорила прямо, но зато по делу.

Сун Нин тихонько дёрнул Вэй Ху за рукав:

«Дорога, наверное, тяжёлая?»

«Нормально» - коротко ответил тот. «Не так уж далеко».

Но по слою грязи на штанинах Сун Нин и без слов понял, что путь был нелёгким. Вэй Ху-гэ не отличался разговорчивостью, выглядел сурово, даже грозно, но сердце у него было мягкое.

Они стояли рядом, переговариваясь вполголоса, а тем временем старуха Сунь снова разнылась — лекарство, мол, пить невозможно. Цю-гэ как ни уговаривал, всё было без толку. Его старая мать и вправду была человеком невыносимым — таких капризных ещё поискать.

Чэнь Цуйхуа закатала рукава, выхватила у Цю-гэ чашу с лекарством и, не говоря ни слова, схватила старуху за подбородок, силой вливая отвар ей в рот:

«Пей, столько разговоров! Видно, ещё не так больно».

Она действовала так быстро, что окружающие и опомниться не успели — лекарство уже было выпито. Сун Нин остолбенел: его мать оказалась по-настоящему грозной — одной рукой прижала старуху так, что та и пошевелиться не могла.

Сегодняшним "кормлением лекарством" Чэнь Цуйхуа от души выпустила пар. Сколько лет эта старуха Сунь точила язык и распускала сплетни про их семью! Если бы ей предложили составить список самых ненавистных людей в деревне, на первом месте у неё была бы Ли Гуйфэнь, а на втором — непременно старуха Сунь.

Старуха Сунь захлебнулась — кисло-горький отвар потёк ей по шее. Она сморщила старое лицо, высунула язык, отплёвываясь. Чэнь Цуйхуа расхохоталась так, что едва держалась на ногах. Сун Нин тоже не удержался и рассмеялся: эта старуха и правда была невыносимой. Неудивительно, что Цю-гэ жаловался — жить с такой тяжело.

Старуха Сунь, заплетая язык, бранилась:

«Чэнь Цуйхуа, ты нарочно это сделала!»

Чэнь Цуйхуа в этот момент чувствовала себя на редкость удовлетворённой. Она потянула Сун Нина за руку:

«Пошли. Уже поздно, нам пора».

Старуха Сунь всё ещё что-то бубнила и ругалась, а Сунь Дачжуан с Цю-гэ проводили троих до ворот.

Сунь Дачжуан без конца благодарил:

«Ху-гэ, невестка, спасибо вам большое за помощь».

Вэй Ху махнул рукой:

«Мы же соседи. Идите лучше к матери, присмотрите за ней».

<http://bllate.org/book/15163/1412402>